

С. Ф. КОКШАРОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНДИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЗДНЕМ ЭНЕОЛИТЕ — БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение экономики и социальной организации древних обществ традиционно занимало одно из ведущих мест в археологии. Эти вопросы являются ключевыми и сейчас, на фоне всего спектра проблемных ситуаций, сложившихся в науке. Однако уровень исследований хозяйственной деятельности прошлого относительно невысок. «Характер большинства работ таков, что основную массу их составляют публикации археологических источников, в которых вопросы хозяйства решаются попутно и в чрезвычайно узких рамках: как правило, они ограничиваются описанием вещей, связанных с тем или иным видом хозяйства и созданием первичных предметных реконструкций» [1, с. 125]. Социологическая интерпретация археологического материала до сих пор не стала ведущей, и удельный вес таких работ незначителен по сравнению с количеством культурологических и источниковедческих изысканий [1, с. 197]. Кроме того, на качестве исследований отрицательно сказывается отсутствие методических указаний по самой их процедуре.

В сложившейся ситуации определенный интерес представляет подход к реконструкции древних обществ сравнительно-историческим методом через хозяйственно-культурный тип (ХКТ), предложенный Л. Л. Зализняком [2, с. 92]. Он находит возможным выделить три последовательных этапа:

- 1) определение ХКТ реконструируемого общества прошлого;
- 2) построение этнографической модели установленного хозяйственно-культурного типа;
- 3) просцирование в прошлое полученной этнографической модели ХКТ.

Обращение к хозяйственно-культурному типу как важнейшей этнографической категории представляется оправданным, так как она применима и в археологических реконструкциях. По

мнению С. А. Балакина, ее вполне можно использовать в качестве инструмента экономико-географического исследования древних обществ, поскольку все явления, описываемые ХКТ, располагают надежными реперами в археологическом материале [3, с. 104—105].

Второй этап тоже связан с этнографической наукой, которая, по мнению В. Р. Кабо, может предложить «не только отдельные факты или отвлеченные понятия, но и упорядоченные, специализированные материалы как основу для сравнительно-исторического анализа. Особенно ценны массовые статистические данные и этнографические модели» [4, с. 84]. Создание модели позволяет выделить типичное, существенное, повторяющееся во всех сравниваемых структурах.

На третьем этапе выявленная модель общества определенного ХКТ проецируется на фрагментарные остатки аналогичных обществ прошлого. Однако прямое проецирование недопустимо — необходима проверка данными археологии и других смежных дисциплин. Желательно, чтобы проверка эта имела комплексный, многосторонний и перекрестный характер [2, с. 93].

Соблюдая обозначенные этапы исследования, Л. Л. Зализняк предложил свой вариант реконструкции хозяйства и общества верхнепалеолитических охотников на северного оленя Украинского Полесья. К сожалению, применительно к нашим материалам изложенная процедура не может быть использована полностью. Если у нас есть данные, позволяющие судить о ХКТ изучаемого общества, то задача построения этнографической модели данного ХКТ выглядит на сегодняшний день невыполнимой.

Основная сложность заключается в отсутствии целостного этнографического исследования, посвященного охотникам и рыболовам таежной зоны Зауралья и Западной Сибири. В частности, нет обобщающего этнографического труда по обским уграм.

Думается, что выполнение поставленной задачи было бы возможно после издания серии очерков, подобных работам по васюганско-ваховским хантам, коми охотникам и рыболовам [5, 6]. Причем объектами изучения должны стать не только коллективы, занимавшие относительно небольшие речные системы, но и проживавшие на крупных водных магистралях. Чем больше будет привлечено фактического материала, тем достовернее будет выглядеть этнографическая модель. Отсутствие ее обедняет содержательную сторону реконструкции и вынуждает обратиться к другим общесторическим моделям. Таковой может выступать, например, община. Это основная социально-экономическая форма объединения людей первобытного общества, которая изменялась во времени, а основные ее типы отразили этапы развития первобытно-общинной формации [1, с. 252].

2. ПРИРОДНАЯ ОБСТАНОВКА

Прежде чем приступить к определению хозяйственно-культурного типа аборигенов Конды, живших в позднем энеолите — бронзовом веке, необходимо выяснить природную обстановку того времени. Известно, что низкий уровень развития производительных сил ставил общества с присваивающей экономикой в жесткую зависимость от окружающей среды. Нарушение экологического равновесия неминуемо вело к самым нежелательным последствиям. (Впрочем, этот вывод применим не только к первобытным временам, но и к современности.)

Одним из общепринятых палеогеографических эталонов периодизации голоцена служит скорректированная схема Блита — Сернандера. Она применима для большей части районов умеренного пояса северного полушария, так как отражает основные тенденции в динамике растительности и климата северной Евразии [7, с. 13, 14]. Согласно этой схеме, интересующие нас памятники относятся к суббореальному периоду. Между тем не следует забывать, что к востоку от Урала он имел свои особенности [7, с. 71].

В соответствии с последними результатами исследований Н. А. Хотинский и его коллеги определяют суббореальный и следующий за ним субатлантический периоды (последние 4500 лет) как более или менее единый этап в развитии природных условий Западной Сибири. В то время в связи с похолоданием и усилением континентальности климата происходила деградация еловых и широколиственных лесов. Грандиозных масштабов достигли процессы заболачивания, вечная мерзлота распространилась до 62—74° с. ш. к югу, однако граница между лесом и степью оставалась относительно стабильной [8, с. 11, 12]. Не вступая в дискуссию, развернувшуюся в археологической литературе по вопросу смещения ландшафтных зон [9, 10], заметим, что вряд ли колебания климата в суббореале и вытекающие отсюда последствия могли существенно отразиться на хозяйстве населения таежной зоны Западной Сибири.

3. ХКТ ИЗУЧАЕМОГО ОБЩЕСТВА

До недавнего времени (конец XIX — начало XX в.) охота и рыболовство наряду с собирательством были основными источниками существования кондинского населения. Кондинский край, входивший в те годы в состав Тобольской губернии, считался одним из богатых в промысловом отношении. Неизменность хозяйственного уклада на протяжении длительного времени создает, на наш взгляд, предпосылки для применения историко-сравнительного метода, при реконструкции хозяйственной деятельности.

3.1. Охота

Представление об основных объектах охоты древних обитателей Конды дают фаунистические остатки. Наибольшее количество костей принадлежит крупным лесным копытным (северному оленю и лосю), остатки которых присутствуют почти на всех памятниках. Далее по численности следует бобр. Единичны находки костей других пушных зверей — выдры, белки, соболя (или куницы), а также крупных хищников (медведя и волка) и птиц. Любопытно, что на средневековых памятниках таежного Обь-Иртышья кости этих же диких животных преобладают [11]. Единственное домашнее животное, кости которого встречены в слоях энеолита — бронзового века, — собака.

Охота на копытных имеет еще одно подтверждение — остатки ям-ловушек, зафиксированные на памятниках Затуманной Конды. Из этнографии известно, что эти ямы обязательно сопутствовали изгородям (или «огородам») и были широко распространены в лесной полосе Евразии. Способ добычи с помощью загородей и ловчих ям северного оленя знали саамы, коми, селькупы, кеты, якуты и обские угры. Интересные сведения о данном способе промысла на Урале и в Зауралье собраны В. Н. Чернецовым. Он упоминает о «кратких и поверхностных» сообщениях И. И. Лепехина, П. С. Палласа и А. Ф. Теплоухова, датируемых XVIII—XIX вв., и высказывает предположение, что уже в XIX в. «о ловле ямами говорилось как о далеком прошлом» [12, с. 74]. В XIX и начале XX в. в верховьях Конды и Тавды вместо ям активно начали использовать сторожевые луки [13, с. 73, 74]. На архаичность «огородного» промысла копытных с использованием ям указывает Э. Манкер [14, с. 88].

Исходя из топографии памятников, можно заключить, что при сооружении изгородей и ям максимально использовалась пересеченность ландшафта. Изгороди располагались в узких местах боровых террас, отсекая часть местности, которая выходила к открытой воде. Ловушки перекрывали звериные тропы, ведущие к водопою, т. е. находились на путях суточных, а не сезонных миграций.

К сожалению, нам неизвестно количество ям, использовавшихся промысловым коллективом, однако можно прибегнуть к определенным этнографическим параллелям. Житель Хангокурта (р. Малая Сосьва) манси К. А. Дунаев сообщил, что на двух хозяйствах (глав семейств?) вполне достаточно иметь 20 ям. Он же пояснил некоторые детали устройства ловушек и, в частности, уверял, что у животного, попавшего в яму, почти нет шансов остаться невредимым. Это объясняется просто; дополнительное поражающее действие оказывали заостренные листовенничные колышки, вбитые на дне ямы. На такие же «различные остrea» на дне ловчих ям указывал И. И. Лепехин [12, с. 73].

Несмотря на большие затраты сил и времени при сооруже-

нии изгородей и копке ям, эффективность такого способа охоты была очень высока. Прежде всего этому способствовала многочисленность стад северного оленя. По сведениям, относящимся к рубежу прошлого и нынешнего столетий, северная часть Кондинского бассейна считалась «страной северного оленя». Численность стад животных достигала здесь сотен и даже тысяч голов. Кроме того, в ямы мог угодить и любой другой крупный зверь — лось, медведь [14]. Не исключено, что кости северных оленей, обнаруженные в яме VIII на поселении Геологическое III (раскоп V), — свидетельство одной из таких удачных охот. По мнению сотрудника Института экологии растений и животных П. А. Косинцева, забой упомянутых животных мог произойти примерно в конце лета — осенью. Примечательно, что среди животных много молодых особей.

Как уже отмечалось, вторым по значению среди промысловых животных древнего кондинского населения был бобр. Исследуя этот факт, необходимо учесть еще одно обстоятельство — расположение останков животных в пределах жилищ. Это удалось сделать в двух местах — на поселениях Атымья VII и Геологическое VII. В первом случае останки находились в одной яме вместе с гастролитами птиц — на обломке крупного сосуда, напоминающего открытую ладьевидную чашу. Здесь же найдены развалы еще нескольких сосудов. Все содержимое ямы было засыпано красной охрой. Во втором случае плохо сохранившиеся зубы и кости черепа тоже лежали в яме, на дне которой также отмечена подсыпка охры. Причем это единственное место в жилище, где имелась краска. На наш взгляд, приведенные факты являются несомненным свидетельством почтительного отношения к бобру. Следует иметь в виду наличие костей данного животного и на таком неординарном памятнике, как Сайгатино VI, а также каменную скульптуру головы бобра с поселения Геологическое III.

Чем же заслужил водяной грызун подобное отношение? Один из наиболее вероятных ответов можно почерпнуть из этнографии. Особый интерес представляют наблюдения В. Н. Скалона, доказывающего, что ханты и манси, проживавшие на территории Кондо-Сосьвинского заповедника, почитали это животное. Они складывали в своих семейных лабазах шкурки, черепа или половинку нижней челюсти бобра. Сохранению последней придавалось большое значение [15]. Мясо священного животного съедалось так, чтобы не были расколоты кости. Затем они обычно топились в воде или закапывались под деревом. Ссылаясь на А. Рудольского, В. Н. Скалон сообщает, что вогулы Верхотурья сохраняли зубы и хвосты бобров. Собственные наблюдения, знание исторических и этнографических источников позволили исследователю констатировать наличие культа, «прочность которого не пострадала от каменного века до последнего столетия..., он угасал только с исчезновением самого объекта

поклонения и дольше всего сохранялся вокруг последнего из осколков (Кондо-Сосьвинского бобрового очага.— С. К.) некогда громадного ареала этого замечательного грызуна в Азии» [15, с. 154]. Остается лишь добавить, что археологические материалы, которыми мы располагаем, подтверждают эту точку зрения.

Если промысел копытных велся в целях получения мяса, шкур, рогов, то отлов бобров имел еще одну важную направленность — получение бобровой струи, которой приписывалось «двойное действие: целебное, помогающее от самых различных недугов, и магическое, очищающее от всякой скверны телесной («нечистота» женщины в известный период) и духовной (наговоры, порча и т. д.)» [15, с. 155].

В. Н. Скалон отмечает два способа добычи бобров в пределах Кондо-Сосьвинского очага: на р. Конде — тормовкой, на р. Малой Сосьве — запором.

Тормовка заключалась в отстреле зверя из ружья при сплаве в лодке. Основное время промысла приходилось на период белых ночей (июнь—июль), хотя одиночные выезды имели место и осенью. Бобр мог встретиться по пути случайно, но, как правило, его специально отыскивали заранее. Во время тормовки били и другого зверя, в основном лося.

Кроме традиционной тормовки, на Конде употреблялись ставные луки. Это практиковалось тапсуйскими вогулами, ходившими промыслять на чужие речки. Они же, как говорят, добывали бобров из засады [15, с. 102].

Архаичный церемониал, предшествовавший коллективному промыслу бобра, был принят на Малой Сосьве. Охота шла в зимние месяцы — в декабре—январе. Еще с осени артель намечала подлежащие облову речки (в зависимости от результатов летней разведки). По прибытии на место сначала совершали ритуал, имевший целью удержать бобра в норах. Старший в артели выходил вперед, к предполагаемому месту нахождения бобров, и троекратно повторял: «Коренной земли хантэ ты коренной (обитатель), никуда не ходи, сиди дома, мы в гости к тебе пришли» [15, с. 103]. Считалось, что заклинание удержит зверя на месте в течение семи дней. К работе приступали только назавтра. Заготавливали плахи, тонкие жерди и ивовые прутья. Затем ориентировочно определяли расположение нор. Реки перегораживали выше и ниже забором из плах, причем обычно употребляли ель (как особо нелюбимое бобром дерево). Далее в огороженном участке скальвался лед и отыскивались норы. Последнее требовало большого навыка. Обнаруженные выходы отделялись от остального пространства полукруглыми заборчиками, а из образовавшейся полыни удалялся весь корм. Когда она покрывалась льдом, в ней проделывалось отверстие для приманки — ивовых прутьев. Если на утро они оказывались съеденными, значит, зверь не покинул хатку и можно было присту-

пать к добыче. Охота могла растянуться на несколько суток, но это, как замечает В. Н. Скалон, нисколько не беспокоило участников. Жилище разрушалось, и, если не были допущены ошибки, семейство выбивалось полностью. По утверждению аборигенного населения, лов на данной речке не повторяли ранее, чем через два—три года.

В. Н. Скалон пишет, что промысел посредством запора требовал много времени, огромных затрат труда и вовсе не оправдывался утилитарными целями. Проработав большой материал о бобровом промысле на данной территории, автор пришел к важному заключению. «Мы имеем перед собой систему, обладающую, строго говоря, всеми элементами национального своеобразного, но высоко культурного охотничьего хозяйства» [15, с. 131]. Причем следы такого хозяйства имеются повсюду, где о пребывании бобров сохранились хоть какие-нибудь заметные сведения. Сохранение популяции бобров в Кондо-Сосьвинском очаге достигнуто, по мнению исследователя, исключительно благодаря охране их аборигенами, действовавшими главным образом в интересах культа.

Добыча мелкого пушного зверя и птицы, в том числе боровой дичи, велась с использованием лука и различных ловушек.

О широком применении лука свидетельствуют каменные наконечники стрел, найденные на многих памятниках. По-видимому, кроме каменных, использовались деревянные и костяные наконечники, которые, к сожалению, не сохранились в песчаном грунте.

Косвенным подтверждением наличия настораживающих устройств уже в энеолите может служить набор каменных орудий с поселения Атымья VII. Найденные здесь скребки и острия, судя по следам сработанности, применялись для обработки дерева и кости. Напомним также, что это наиболее многочисленная группа орудий на данном памятнике. Кроме того, здесь найдены сколы со шлифованных рубящих орудий и одно целое шлифованное долотце. По мнению Л. П. Хлобыстина, появление плотницкого инструмента может свидетельствовать о том, что население было знакомо с пассивными средствами лова [16, с. 33].

Краткие этнографические данные об использовании ловушек-слопцов для промысла глухарей и тетеревов приводят А. А. Дунин-Горкавич и Б. Н. Городков. Эффективность этих устройств довольно велика — количество добытой дичи достигало 100 шт. на одного хозяина [13, с. 321]. Правда, из сообщений неясно, как долго продолжался сам промысел. Ловля боровой дичи велась и другими пассивными средствами. Б. Н. Городков упоминает так называемые пленки и ямы, прикрытые хворостом. «Устройство пленок на Конде таково: делают тальниковый забор на большом протяжении по берегу реки, высотой около аршина, и делают тогда отверстия в нем для прохода птицы, где установ-

ливаются петли. Птица, прилетающая на водопой, опускается на расстоянии от воды и бредет к воде, попадая в отверстие с петлей. Рассказывают, что это дает порядочную добычу» [17, с. 205]. Интересно, что с помощью самоловов добывалось абсолютное большинство боровой и водоплавающей дичи коми охотниками, которые, кстати, широко использовали в различных промыслах огнестрельное оружие [6, с. 94]. Сходные названия в финно-угорских языках стационарных деревянных ловушек могут быть объяснены давностью их изобретения [6].

3.2. Рыболовство

Важнейшую роль в хозяйстве древнего кондинского населения играл рыболовный промысел. Об этом свидетельствуют остатки ихтиофауны и многочисленные грузила от сетей, сделанные из глины и камня.

О видовом составе промысловых рыб можно лишь предполагать, что объясняется неудовлетворительной сохранностью костных остатков и отсутствием определений для имеющихся коллекций. В этом случае оправдано привлечение этнографических данных. Они свидетельствуют, что основными объектами промысла на Конде и ее притоках были язь, щука, чебак, окунь, ерш, сырок, карась, налим, а в самых низовьях — нельма и стерлядь [18, с. 24].

Большое количество грузил на памятниках энеолита — бронзового века объясняется широким использованием в ловле рыбы сетей. Распространение этого способа лова не случайно и обусловлено, вероятно, развитой речной системой, включающей массу проточных, старичных и других озер, богатых рыбой. Судя по скоплениям грузил и их размерам, сети были невелики и служили, вероятно, средством индивидуального лова. На это указывают также каменные стерженьки от составных крючков, найденные на поселении Низямы VIII. Отсутствие такой оснастки на памятниках Конды объясняется, очевидно, тем, что для их изготовления широко использовались дерево и кость. О наличии подобных изделий в прошлом свидетельствуют материалы торфяниковых стоянок Урала [10, с. 10, 11].

По нашему мнению, сети и крючки не являлись основными орудиями лова. Скорее всего, они были «предметами первой необходимости» любого промысловика и гарантировали ему минимум пищевых продуктов, если он находился вдали от места проживания. Основная же масса рыбы добывалась, по-видимому, иначе, например, с использованием запоров, которыми перегородивали реки, протоки, речки, заливы и т. д. Строительство этих сооружений велось, скорее всего, коллективно и напоминало возведение изгородей. По мнению В. И. Васильева, последние могли служить основой, на которой развивались древнейшие типы запоров у предков обских угров [19]. Появление та-

ких заграждений, как запоры и котцы, он относит ко времени существования финно-угорской языковой общности, или к концу IV—III тыс. до н. э. [19, с. 142, 143] Достоверные археологические данные о наличии запорного рыболовства у неолитического населения Восточной Европы приводит Г. М. Буров [20].

Об эффективности запорного рыболовства можно судить по этнографическим данным, приведенным А. А. Дуниним-Горкавичем. Речку Эйтью (один из некрупных северных притоков Конды) «инородцы городят и в запоре ловят мордами чебака, окуня, сорогу и щуку: рыбу готовят в сухом виде до 15—20 пудов» [13, с. 284]. Остается лишь добавить, что этот способ ловли позволял заготавливать впрок большие запасы рыбы — важнейшего продукта питания обских угров.

Значение рыболовства в жизни древних обитателей Конды нашло свое отражение в изобразительном творчестве. Одним из любимых орнаментальных мотивов на керамике был узор в виде сетки. Причем расцвет сетчатого геометризма пришелся на период, когда появились и широко распространились глиняные грузила. На одном таком предмете, найденном на поселении Геологическое III, помещено изображение рыбы. Несмотря на сильную стилизацию, в рисунке можно угадать представителя семейства карповых (язь?).

Перечисленные виды промысловой деятельности не исчерпывают разнообразия занятий древнего кондинского населения, но они являлись важнейшими в системе жизнеобеспечения. Это красноречивое свидетельство того, что все стороны жизни изучаемого общества соответствуют известному по этнографии хозяйственно-культурному типу рыболовов и охотников лесов умеренной зоны [21]. Рассматриваемый ХКТ характеризуется отсутствием специализации в видах охоты и рыболовства. Охота на лесных животных совмещалась с рыболовством, игравшим в некоторых случаях важную роль. В прошлом этот тип был широко распространен в Сибири между Тихим океаном и Уралом, а также на севере Восточной Европы, где к нему относились вероятные предки финно-угорских народов — охотничье-рыболовецкие племена III—II тыс. до н. э. [21, с. 193]

4. СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНДИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЗДНЕМ ЭНЕОЛИТЕ — БРОНЗОВОМ ВЕКЕ *

В этнографии принято различать общества низших и высших рыболовов, охотников и собирателей [22, т. 3, с. 50]. Основные их отличия — в уровне социальной организации, а также в том, что вторые использовали более эффективные методы охоты и

* Выражаю глубокую благодарность В. А. Борзунову за консультацию, данные при работе над этим параграфом.

рыболовства, применяя более совершенные орудия и разнообразные способы хранения пищевых припасов [22, т. 2, с. 327]. Высокоразвитое рыболовство и связанная с ним охота составляли в северных лесных районах мощную конкуренцию южному производящему хозяйству и вызывали до некоторой степени сходные изменения в образе жизни, социальной структуре и духовных представлениях. В частности, в ряде областей эти занятия стали прочной основой для оседлости и быстрого роста населения [23]. Для высших рыболовов и охотников были типичны базовые поселки, хотя первоначально они не служили круглогодично. Сюда люди возвращались регулярно в определенные сезоны года, для чего им требовались прочные и долговременные дома [22, т. 2]. Оседлость этих групп населения ограничила доступ к разнообразным ресурсам и повысила степень изоляции общин. Однако рост продуктивности хозяйства время от времени давал избыточный продукт, годный для обмена, что в известной мере снижало остроту дефицита [22, с. 2, с. 341].

На наш взгляд, к числу высших рыболовов, охотников и собирателей (на одной из начальных стадий) можно отнести и изучаемое нами общество. Действительно, набор эффективных пассивных орудий лова — изгородей с ямами, настораживающих устройств и рыбных запоров — предполагает наличие коллективов, которым было под силу возведение данных сооружений и поддержание их в рабочем состоянии. В свою очередь, использование пассивных средств промысла предполагает, как известно, определенную оседлость населения [24]. Если же речь идет об оседлости, пусть даже относительной, то мы вправе допустить возможность существования регулярно или интенсивно промышляемых территорий (урочищ, озер, рек и т. п.), т. е. мест охоты и рыбной ловли, находившихся в собственности крупных коллективов. На наличие последних может указывать большая (около 200 кв. м) постройка, раскопанная на позднеэнеолитическом поселении Волвонча I. Кстати, аналогичное по конструктивным особенностям жилище было раскопано на поселении бронзового века Пашкин Бор I. Капитальность обоих сооружений, множество находок, особенно в первом, свидетельствуют о длительном периоде функционирования. Это еще один аргумент в пользу того, что обитатели вели оседлый образ жизни. Однако оседлость была относительной, поскольку длительное проживание на одном месте при ведении присваивающего хозяйства приводило постепенно к опустошению окрестностей поселка. Вместе с тем поселения, где численность жителей находилась в равновесии с экологической обстановкой, могли существовать очень долго [16]. На оседлость кондинского населения в бронзовом веке указывают материалы могильников, включавших большое количество погребений. По мнению Л. П. Хлобыстина, могильники, функционировавшие длительное время у таежного населения, принадлежали коллективам, имев-

шим постоянные поселения либо устоявшийся район сезонных кочевий [16, с. 36].

Успешному ведению промыслового хозяйства во многом способствовало использование традиционных мест рыбной ловли и охоты. На таких территориях, принадлежавших, по всей видимости, отдельным общинам, находились коллективные и индивидуальные средства лова, промысловые избушки, хозяйственные постройки и другое необходимое снаряжение. Этот вывод подтверждается археологическими данными: наличием промысловых объектов (например ям-ловушек); характером памятников в верховьях р. Атымь, большая часть которых — кратковременные стоянки, оставленные в разное время (на протяжении энеолита) одной группой населения [25]; последовательностью застройки террасы и расположением жилищ на поселении Геологическое III — памятнике, который также мог функционировать длительное время как базовый сезонный лагерь. Изученные здесь постройки значительно меньше по размерам, в них содержится небольшое количество глиняной посуды, в целом уступающей по размерам сосудам с базовых поселков, и наконец, на сезонных объектах нередко обнаруживаются отходы производства каменных орудий.

Говоря о социальной организации кондинского населения, самое серьезное внимание следует обратить на основную хозяйственную единицу общества — общину. Попытаемся определить ее типологическую принадлежность, структуру, а также внутри- и межобщинные отношения.

В работах историков последовательно проводится мысль, что основной социально-экономической единицей ранних земледельцев и высших рыболовов является поздняя первобытная община [22, т. 2]. Основными чертами обществ, стоящих на этой стадии развития, были: оседлость (понимаемая как синоним интенсивного освоения территории проживания); ведение сезонного многоресурсного хозяйства с использованием совершенных орудий труда и эффективных методов рыболовства и охоты; разграничение собственности на коллективную и индивидуальную; появление прибавочного продукта; углубление процессов специализации; развитая социальная организация; большая роль межобщинного разделения труда, связанного с обменом [22, т. 2].

Полная реконструкция позднепервобытной общины кондинского населения — задача непростая, и вряд ли она может быть решена сейчас на должном уровне. Однако важно обозначить проблему и наметить пути ее решения. Исходя из того, что структура общины обусловлена производственными отношениями, складывающимися внутри нее, совершенно очевидна зависимость последних от сфер производственной деятельности, соотношения коллективной и индивидуальной собственности, а также от распределения и потребления [1, с. 258].

При определении ХКТ изучаемого общества были выяснены основные виды хозяйственной деятельности, связанные с промыслом рыбы и животных (преимущественно копытных). Указывалось также на существование коллективной и индивидуальной собственности на средства производства. К первой отнесены регулярно промысляемая территория и размещенное на ней имущество, ко второй — личные вещи и орудия труда общинников. Вряд ли при таком раскладе форм движимой и недвижимой собственности индивидуальный промысел превосходил по продуктивности коллективный, хотя, несомненно, он был существенным подспорьем в хозяйстве. Доминирующая роль в промыслах коллективных средств производства должна была наложить отпечаток на характер потребления полученного продукта. В этой связи укажем на пережитки в распределении пищи у васюганско-ваховских хантов. Здесь зафиксированы раздача излишков рыбы и мяса родственникам или просто неимущим, коллективная собственность на эти продукты у людей, объединившихся во время промысла, коллективное поедание остатков пищи перед началом нового охотничьего сезона. Кроме того, горячая пища из общего котла делилась сразу на всех и не подлежала перераспределению [5, с. 188—189].

Значение недвижимого имущества в системе жизнеобеспечения обществ с присваивающей экономикой требовало его охраны, поддержания в рабочем состоянии и неминуемо вело к возникновению внутри общин особых органов, на которые возлагались организационные, регулирующие и охранные функции. Интересно, что сходные социальные процессы протекали в энеолите на территории Тюменского Притоболья [26, 27]. По мнению М. Ф. Косарева, здесь могли существовать даже надобщинные органы управления, но согласиться с таким предположением мы не можем.

На имевшие место стычки между соседями указывают элементы фортификации (валы и рвы), отмеченные вокруг домов, в которых проживали общины [28, с. 173].

Появление прибавочного продукта объективно создало предпосылки для дальнейшего разделения труда внутри позднервовыбитной общины. Судя по источникам, это произошло на Конде в позднем бронзовом веке, когда здесь осваивалось литье в закрытых формах и изготавливались втульчатые орудия и оружие. Погребение литейщика на могильнике Сатыга XVI [29] свидетельствует о появлении в среде общинников специалистов узкого профиля. Их деятельность была возможна при условии наличия прибавочного продукта, в обмен на который они обслуживали членов общины. Совершенно очевидно, что в условиях дефицита металла наиболее эффективное снаряжение (кельты и копыя) не могло принадлежать рядовому общиннику, который ограничивался одним-двумя металлическими предметами (пластинчатый нож, долото). Может быть, это один из аргументов в поль-

зу существования верхушки общины или ее главы? Поскольку литейное производство было сосредоточено в пределах помещения, занимаемого коллективом (например, в жилище на поселении Пашкин Бор I), то можно предположить, что процессы социальной дифференциации не зашли слишком далеко. Выделение внутри общин позднего бронзового века литейщиков ставит такие коллективы на порядок выше по сравнению с соответствующими социальными структурами эпохи энеолита. Из этого можно сделать важный вывод — перед нами не что иное как самая начальная стадия эволюции позднепервобытной общины во времени.

Если проследить динамику социальной организации таежных рыболовов и охотников Западной Сибири на еще более широком хронологическом срезе, привлекая археологические источники начала железного века — средневековья (до XVI в.) и данные по фольклору, записанные С. К. Паткановым (1891 г.), то обнаружится своеобразная «волнообразность». Она заключается в чередовании социальных «подъемов» (например, в случае военной опасности) — до уровня «военной демократии» и последующих «спадов» — возврата к прежнему состоянию [30, с. 132]. Любопытным в этой связи представляется мнение М. Ф. Косарева: «...Зафиксированный этнографически социально-экономический уклад обских угров, равно как численность и плотность их населения по документам XVII в., более сопоставимы с эпохами неолита и бронзы, чем с периодами железа и средневековья — героическими временами богатырей, народных собраний и завоевательных походов» [30, с. 126].

Возвращаясь к нашим материалам, отметим, что в позднем бронзовом веке резко обозначилась грань между общинами, населявшими южную и северную части кондинского бассейна. Первые были территориально ближе к крупным металлургическим и металлообрабатывающим очагам Урала и Западной Сибири, откуда в обмен на прибавочный продукт поступали металл и изделия. Не исключено, что в этих районах Конды процессы трудовой специализации были более заметны. Данные коллективы принимали более активное участие в межобщинных обменах и выполняли посреднические функции между своими южными (западными) и северными соседями. С позиций, допускающих наличие приоритетных связей нижнекондинского населения с южными соседями, может быть объяснено сходство поздней полымьятской керамики с доандровскими комплексами Западной Сибири.

Общины, заселявшие верховья Конды, кроме связей внутри речной системы, поддерживали контакты с северососьвинским населением. Об этом свидетельствует внешний вид посуды, найденной на памятниках Затуманной Конды. Факт нахождения на поселении Геологическое III медной лунницы позволяет предположить наличие опосредованных (?) связей с Прикамьем, где

подобные вещи связаны с гаринско-борскими древностями. Историческое значение данных контактов для всего кондинского населения еще предстоит выяснить, но уже сейчас можно предположить их глубокий характер. Они касались не только обмена произведенного и накопленного продукта, но и духовных сторон жизни [31]. Однако эта тема лежит за пределами нашей работы и ей должно быть посвящено отдельное исследование.

Не исключено, что ряд положений в нашей работе, относящихся прежде всего к социальной организации древних обитателей Конды, спорны, нуждаются в уточнении. Предложенная модель не носит исчерпывающего характера и должна рассматриваться как одна из попыток выхода на историческую интерпретацию археологического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988.
2. Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
3. Балакин С. А. Концепция хозяйственно-культурного типа (современное состояние и перспективы применения в археологическом исследовании) // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985.
4. Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
5. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Этнографические очерки. Томск, 1977.
6. Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы второй половины XIX — начале XX в. М.: Наука, 1983.
7. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
8. Хотинский Н. А., Волкова В. С., Левина Т. П., Лисс О. Л. Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
9. Славнин Д. П. Геология и археология в некоторых работах по Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 5.
10. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
11. Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западносибирской низменности. Свердловск, 1988.
12. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. 4—12 (2).
13. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1910. Т. II.
14. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.
15. Скалон В. Н. Речные бобры Северной Азии. М.: Изд-во МОИП, 1951.
16. Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
17. Городков Б. Г. Река Конда // Землеведение. 1912. № 1.
18. Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района // Урал. Технико-экономический сборник. Вып. 8. Уральский Север. Свердловск, 1926. Ч. 2.

19. Васильев В. И. Проблемы происхождения орудий заповного рыболовства обских угров // ТИЭ (н. с.). 1962. Т. 78.
20. Буров Г. М. Заповный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. 1988. № 3.
21. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова А. И. Расы, народы, культуры. М., 1985.
22. История первобытного общества. М., 1988.
23. Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
24. Ермолов Л. Б. Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
25. Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3.
26. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
27. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
28. Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3.
29. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
30. Косарев М. Ф. Предпосылки сложения и специфика раннеклассовых обществ в таежном Обь-Иртыше // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
31. Кокшаров С. Ф. К вопросу о содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.